

УДК 929

**Авантюрист в эпоху
социальных катаклизмов:
Иван Иванович Маталас
(1895-1973)**

Д. И. Петин,

*Исторический архив Омской области,
г. Омск, Российская Федерация*

**An adventurer in the
time of social cataclysms:
Ivan Ivanovich Matalas
(1895-1973)**

D. I. Petin,

*Historical Archive of Omsk region,
Omsk, the Russian Federation*

В конкурсе документальных публикаций «Архивные фонды – науке и краеведению», проведенном ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» в 2023 г., работа автора заняла I место в 3-й группе участников – специалисты архивных учреждений, краеведы, представители научной общественности.

Аннотация

В исследовании анализируется биография рядового участника Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн – человека, имевшего активную жизненную позицию, разносторонние интересы, хорошее чувство конъюнктуры и явные авантурные наклонности. Демонстрируется, каким образом перечисленные личностные качества способствовали успешному устройству героя публикации в условиях эпохи социальных катаклизмов. Теоретическую основу исследования составило определившее повествовательный жанр сочетание антропологического подхода и историко-биографического и сравнительно-исторического методов. В основу источниковой базы положен объемный комплекс неопубликованных источников личного происхождения (анкеты, учетные карточки, воспоминания) и материалов ведомственного делопроизводства. Критический анализ выявленного информационного массива позволил не только произвести в заданном ключе биографическую реконструкцию, но также исправить историографическую ошибку, выявив причину закравшейся неточности в написании фамилии героя публикации. Особенность рассмотренной биографии в том, что свою социальную устойчивость И. И. Маталас обрел именно в армейском социуме, прослужив с перерывами порядка четверти века. И всякий раз время его военной службы совпадало с периодами социальных катаклизмов в России. Избранная им концепция «солдата Революции» оказалась полностью оправданной, позволив герою повествования «найти себя». При этом И. И. Маталас строго «соблюдал дистанции» относительно своего офицерского прошлого, службы в «старой» и белой армиях, замалчивая эти факты. В карьерном отношении этот человек не достиг каких-либо существенных высот, однако, смог благополучно преодолеть ряд опасных политических неурядиц (в том числе, три исключения из большевистской партии), избежав репрессий и выжив в условиях войн.

Abstract

The paper analyzes the biography of a participant of the First World War, the Civil and the Great Patriotic Wars, a person who had a proactive approach to life, wide interests, a good sense of opportunism and adventurous bent. The article shows how the mentioned personal qualities helped the publication's character to get it made during the period of

social cataclysms. The theoretical framework of the study is the combination of the anthropological approach and historic-biographical and comparative-historical methods, which defined its narrative style. The source-base consists of a great number of unpublished sources of private origin (questionnaires, record cards, reminiscences) and official records management materials. The critical analysis of the revealed information collection made it possible to reconstruct the biography and correct the historiographic mistake by finding the reason for incorrect writing of the surname of the publication's character. The specific nature of the considered biography is in the fact that I. I. Matalas gained social stability in the army community where he served for about a quarter-century with interruptions. And every time, his military service coincided with the periods of social cataclysms in Russia. The concept of "soldier of Revolution" chosen by him turned out to be quite reasonable since it helped our character to "find himself". At the same time, I. I. Matalas strictly "kept distance" in terms of his past as an officer, his service in the "old" and White armies, concealing those facts. In terms of career, he did not reach any heights, but managed to cope with certain dangerous political disarrays (including three expulsions from the Bolshevik party), having avoided repressions and survived during the wars.

Ключевые слова

Социальная адаптация, военная антропология, Русская революция, Гражданская война, офицерство, Рабоче-крестьянская Красная Армия, советское общество, Великая Отечественная война, военные медики, И. И. Маталас.

Keywords

Social adaptation, military anthropology, the Russian revolution, the Civil war, officer's rank, the Workers' and Peasants' Red Army, Soviet society, the Great Patriotic War, military medics, I. I. Matalas.

Всякая эпоха острой нестабильности в государстве и социуме – время, когда обстоятельства политического и социального беспорядка создают благоприятные условия для профессиональной и общественной реализации деятелей, у кого в основе личности и мировоззрения заложен авантюризм. Обращаясь к российской истории 1914-1922 гг. можно назвать десятки примеров подобных людей. Для множества из них «стартовой площадкой» логично выступала военная служба, в которой вопрос личной социальной мобильности определяет успешность карьеры и исход конкретных событий. Вместе с тем, армейская среда способствует раскрытию личностных качеств человека. В современной историографии в рамках состоявшегося в исторической науке антропологического поворота мы видим значительный исследовательский интерес к проблеме «человека воюющего» или человека в армейском социуме, жившего в военно-революционный период¹.

Тенденции микроисторического восприятия событий революции и Гражданской войны стали одними из ключевых явлений в современной российской науке, позволяя получить более полновесные представления о том драматичном времени, а обращение к историко-биографическим сюжетам – одна из форм обретения знания. Причем, для понимания того неоднозначного периода, и его социальных последствий важны сознание, психология, бытовое поведение и менталитет рядовых участников событий – «человеческой массы», творившей историю эпохи социальных катаклизмов². Затем эти люди будут формировать новое общество в советской России. В связи с этим, вызывает интерес судьба Ивана Ивановича Маталаса – многогранного, весьма неоднозначного человека. Он лично сформировался в условиях Русской революции и реализовал себя в СССР, несмотря на откровенно «опасные» и «проблемные» для своего времени нюансы биографии. В историографии фигура Маталаса нашла скудные упоминания в омском краеведении и истории археологических изысканий в регионе в рамках скандальной истории, связанной с ведением несанкционированных раскопок по инициативе Ивана Ивановича, фамилия которого искажена как «Матанас»³.

Цель исследования – максимально подробно реконструировать жизненный путь персонажа в контексте эпохи, определить факторы его «социального выживания» в 1910-1930-е гг. Актуальность работы в таком ключе во многом связана с активной современной академической дискуссией о феномене «человека советского»⁴. Для данной формулы Маталаса можно назвать типовым примером. Но, как видится, революционное «время авантюры» в совокупности с личностными качествами этого человека определили его судьбу.

В фондах Исторического архива Омской области выявлен репрезентативный комплекс источников 1920-1930-х гг. – документы учетно-кадрового партийного и служебного учета (анкетного типа), ведомственная переписка, неопубликованные воспоминания И. И. Маталаса о событиях 1918-1919 гг. (написаны в 1925 г. по просьбе сотрудников Омского истпарта). В фондах

И. И. Маталас. Омск, 1910-1913-е гг.

I. I. Matalas. Omsk, 1910-1913s.

Центрального архива Министерства обороны РФ найдены наградные документы героя публикации за период Великой Отечественной войны. Сопоставление сведений из документов разного типа и времени создания позволило сформировать представления, позволяющие делать выводы, и о герое повествования, и о сложной эпохе, в которой он жил.

Иван Иванович Маталас родился в семье крестьян. Но вопросы в биографии любого человека начинаются с установления точной даты и места его рождения. В анкете 1926 г. он указал: «1895 г., г. Омск»⁵; в аналогичном документе 1931 г. читаем: «родился в октябре 1895 г. в деревне Сухое Омского округа в 60 верстах от Омска»⁶ (ныне село Сухое Горьковского района Омской области). Но при анализе метрических книг, весьма полно сохранившихся в фонде Омской духовной консистории Исторического архива Омской области, актовой записи о рождении и крещении такого младенца не выявлено. Можно лишь полагать, что в силу неких причин мальчик мог родиться в названной деревне, и крещен затем в одной из церквей Омска, куда в итоге, переехала его семья. В поздних советских документах Иван Иванович с разночтением указывал дату рождения: 7 и 8 октября. В начале 1900-х гг. его семья приобрела в северо-восточной части Омска дом (не сохранился), адрес которого, будет не раз фигурировать в документах героя публикации – 2-й Козий переулок, 31 (с 1935 г. – улица Челюскинцев).

Юный Иван на 1908 г. обучался в Омске в 4-классном городском училище, но окончив 3½ класса, вынужденно оставил учебу из-за смерти отца. В 1913 г. юноша добровольно («охотником») поступил на военную службу рядовым солдатом, будучи направлен в кавалерию. С началом Первой мировой войны находился в действующей армии, произведен 24 декабря 1914 г. в младшие унтер-офицеры, в феврале 1915 г. – в старшие унтер-офицеры. После ранения и контузии в конце ноября 1915 г. Маталас лечился в Москве. Затем воевал на Румынском фронте

под Хотинном и Львовом. В 1916 г. (с его слов) он увлекся революционными идеями под воздействием пропаганды большевистских агитаторов⁷. Иных сведений об армейской бытности Ивана в это время найти не удалось. В 1917 г. его направили для обучения в Оренбургское казачье училище. Вероятно, наш герой должным образом проявил себя в бою или при несении службы. Последние чин и должность Маталаса на момент демобилизации из «старой» армии в конце 1917 г. (с его слов) – хорунжий, командир взвода в 39-м казачьем смешанном полку 33-го армейского корпуса⁸. Но в кандидатской карточке 1921 г. он сообщал, что начал «Великую войну» в статусе вольноопределяющегося, а затем за отличия получил чин старшего урядника⁹. И здесь возникают неувязки в биографии. Офицеры военного времени, проходившие ускоренное обучение в военных училищах и школах прапорщиков получали производство только в прапорщики. Получение следующего чина (хорунжего, подпоручика, корнета) предполагало 4-8 месяцев службы в качестве офицера¹⁰. Но окончивший военное училище летом 1917 г. Иван Маталас в анкете 1926 г. лукавил: он не мог выслужить положенный срок, необходимый для получения погон хорунжего. Ни в одной из последующих анкет Иван Иванович не подтверждал факт получения образования в военном училище. Вскользь он упоминает о недолгой службе в Красной гвардии в 1918 г. в Омске¹¹, но противоречит этому в мемуарах, указывая что в конце 1917 г. вернулся на родину: «Калачинская земская управа назначила меня на хлебо-приемочный пункт на пристань Крупянской (в 70-80 верстах от Омска вниз по реке Иртыш)»¹².

Бытность героя публикации в период Гражданской войны можно с долей условности реконструировать в опоре на его записки и анкеты советского времени. Монтером сельскохозяйственных машин в Крупянском Маталас работал до лета 1918 г.¹³, где познакомился с украинцем Поправко. Молодые люди, найдя в селе единомышленников, вели агитацию, организовав большевистский кружок. Литературу из Омска привозил Иван, по его словам получивший 18 мая 1918 г. в Омском совдепе партбилет (позднее не раз подчеркивал это). Но с жителями Крупянского возникли сложности: «Крестьяне на нас смотрели враждебно, не понимали еще и частенько преследовали... За [политической] работой нас ловили мужики, хотели убить, а книжки – сжечь. Поправко скрывался или у меня на квартире, или я у него в кузнице»¹⁴.

10 июня 1918 г. – через три дня после падения в Омске советской власти – в Крупянском объявился отряд белых казаков, искавших лиц, имевших связи с большевиками. Опасаясь ареста, Маталас и Поправко бежали. Пути их разошлись: Иван поехал в город, а Семен прятался по заимкам; но каждому из них удалось выжить. Не найдя в Омске большевистского подполья, Маталас (по его словам) решил вести агитацию индивидуально (чем жил в это время – по выявленным источникам неясно). Наш герой в кругу друзей имел тогда прозвище Сохатый (видимо, из-за высокого роста). В его дом периодически приходило до 15 юношей и девушек на собрания, маскируемые под вечерние посиделки с музыкой и танцами, а между тем молодежь обсуждала труды Каутского, Маркса, Бернштейна и др. Домочадцев Ивана все это сильно настораживало. Его дед даже угрожал доносом в милицию, «дабы не устраивали тут споров и чтения против правительства». Опасения близких оказались верны: не прошло и трех месяцев, как в квартире Маталаса прошел обыск. Но Ивану и его окружению тогда сильно повезло: все закончилось лишь тем, что кружок распался. Но трое его участников – Маталас, Константин Малинин и некто Смирнов продолжали агитацию среди солдат (недалеко от дома Маталаса стояли казармы). Однажды очередную такую беседу в кругу нижних чинов услышал офицер, попытавшийся арестовать агитаторов. Те пытались бежать, но офицер с группой солдат

и двумя подоспевшими милиционерами начали погоню, открыв огонь на поражение. Ранения в спину и ногу получил Смирнов, он упал, задержав на себе внимание преследователей. Судьба его осталась неизвестна. Маталас и Малинин, благодаря жертве товарища, ушли. Иван продолжал в Омске нелегальную работу. О грядущих облавах его предупреждал друг, служивший в конной милиции, Александр Зайцев. Иван решил добровольно пойти в белую армию, чтобы, перейдя фронт, бежать к большевикам, а Константин остался в Омске. В итоге, Маталас в апреле («на Пасху») 1919 г. убыл в Троицк в составе кирасирского эскадрона. Участь его товарища сложилась трагично. Арестованный белыми властями за отказ служить, Малинин был расстрелян в Омске¹⁵.

Мемуарист не сообщил, в каком именно подразделении, чине и должности он состоял на службе в колкаховской армии, делая акцент на замысле побега в советскую Россию и позиционируя свою «белогвардейскую бытность», лишь как вынужденный шаг и финальный этап нелегальной советской работы. Но вероятно то, что чин хорунжего он получил именно, служа в белой армии. Со слов Маталаса, формировавшийся в Троицке полк комплектовали мобилизованными крестьянами Уфимской губернии, чей моральный дух был слаб, кадровым ядром полка стали унтер-офицеры и рядовые добровольцы. По косвенным признакам можно сделать вывод, что это формирование действовало в составе 11-го Яицкого армейского корпуса. Герой повествования утверждает, что стал среди сослуживцев неформальным лидером, собиравшим вокруг себя потенциальных дезертиров, число которых росло: «к концу лета [1919 г.], после выезда на позицию, под давлением порок в полку набралось 60 человек, готовых по моему знаку перейти позицию с оружием в руках». Близ Орска задуманное удалось осуществить на одном из участков обороны в момент боя, разоружив двух офицеров и нескольких добровольцев, открыв фронт наступающей роте красноармейцев. «Этим наша подпольная работа и закончилась» – резюмировал мемуарист¹⁶. События произошли не ранее 25-26 августа 1919 г., что следует из послужного списка героя публикации 1921 г.¹⁷ Подчеркнем, что для белой армии переходы солдат на сторону РККА тогда не были редким явлением, подрывавшим устойчивость их фронта, способствуя военным успехам большевиков¹⁸.

Маталас утверждал, что после доклада о численности, составе и дислокации 11-го Яицкого армейского корпуса в штабе 1-й революционной армии РККА, получил должность командира конной разведки 2-й отдельной стрелковой бригады красных коммунаров. Недолго был на Туркестанском фронте. Затем оказался на Украине, где командовал сотней, был комиссаром и помощником командира 8-го Червоного казачества конного полка 2-й Черниговской кавалерийской дивизии. В составе полка попал в польский плен, где находился с 3 по 28 августа 1920 г., но смог бежать. Повторно был ранен и контужен. До ноября 1921 г. Иван учился на высших политических курсах ЦК КП(б)У в Киеве. Тогда же женился на уроженке этого города. Служил в 100-м полку РККА, был награжден костюмом¹⁹. Об этом периоде жизни он скажет в анкете 1931 г.: «Воевал против уральских казаков, против поляков на Польском фронте, против белых банд на Украине и на границе»²⁰. Осенью 1921 г. Маталас хотел перевестись в Народно-революционную армию Дальневосточной республики. Но этого не произошло. Красноармейское начальство оценивало героя статьи негативно, в характеристике от 24 сентября 1921 г. читаем: «Не энергичен. Плохо усваивает дело. Поверхностно относится к своим обязанностям. При непосредственном наблюдении работать будет. Поста[но]влению в условия самостоятельности не пригоден»²¹.

В политических условиях Советской России биография Ивана Ивановича складывалась на тот момент все же неплохо: подпольщик, «красный офицер» с боевым опытом на разных фронтах и весьма неплохим по меркам времени образованием, молодой и полный сил. Но с окончанием полномасштабной Гражданской войны его армейская карьера вскоре завершилась. В большинстве эго-источниках Маталас сообщал, что в 1926 г. был демобилизован из РККА, в анкете 1926 г. уточнив, что это произошло по приказу Революционного военного совета Республики № 2464 и по достижению предельного возраста. А в анкете 1931 г. Иван Иванович кратко указал сведения о месте своей службы в 1923-1926 гг.: «Омск, ОГПУ». Подтвердить принадлежность героя повествования к советским спецслужбам не представилось возможным. В той же анкете, Маталас писал, что состоит на учете в Омском окружном военкомате как «командир сабельного эскадрона войск ОГПУ». Свидетельство о том, что герой статьи все же был в Омске в середине 1920-х гг. – его записки, датированные 10 марта 1925 г. с указанием омского адреса. О наличии чина офицера Маталас указал лишь однажды – в анкете 1926 г.²²

С 29 мая 1926 г. началась штатская жизнь героя статьи: по личному заявлению его зачислили инструктором в Омский окружной финотдел. Это было одно из престижных мест работы – учреждение, полностью координировавшее финансово-экономическую деятельность региона. В Омске на май 1926 г. на иждивении героя публикации находились жена Ольга Григорьевна, мать Федосья Васильевна, дед Михаил Дмитриевич и сестра Мария. Все они жили по прежнему адресу. Через полгода Иван Иванович указал уже о шести иждивенцах и тяжелом материальном положении семьи²³.

Но в этот период у Маталаса начались разного рода неприятности, связанные с нарушением закона. Еще летом 1926 г. под началом Ивана Ивановича у него на дому возник кружок любителей археологии. Его участники вели без специального разрешения в окрестностях Омска археологическую разведку и раскопки, найдя артефакты эпохи каменного и бронзового века. Летом 1927 г. Маталас планировал возобновить изыскания, решив набрать новых желающих участвовать в этой деятельности на общественных началах, подготовил в патетике времени об этом заметку в омской газете «Рабочий путь»: «За зимний период кружок, естественно, распался. Нужна новая сила. Предполагаемые раскопки будут вестись своими силами, почетных членов у нас нет. Поэтому, кто заинтересован, кто любит это дело, кто хочет помочь пополнению музея, а стало быть, и науке, кто, наконец, хочет узнать тайны древнейших времен и эпох, а не верить сказкам о создании земли богом, может вступить членом кружка... белоручек нам не нужно, нужно будет копать землю самому. Членских взносов никаких нет... Членами кружка могут быть лица обоего пола от 16 лет»²⁴. Организация кружка планировалась при Западно-Сибирском краевом музее (с 1993 г. – Омский государственный историко-краеведческий музей), но затея не состоялась. Неясны мотивы нового увлечения Ивана Ивановича. Можно строить лишь версии: от истинной увлеченности прошлым до неких корыстных умыслов. Авторитетный омский краевед А. Ф. Палашенков не считал Маталаса правонарушителем, позиционируя его как популяризатора прошлого²⁵.

Исходя из газетной публикации, археолог-самоучка планировал наладить контакты с профессиональным специалистом по древностям В. П. Левашовой (1901-1974), прибывшей в тот период из Москвы в Омск для работы в музее. Он утверждал, что на отдыхе в деревне Коконевке (в 35 км от Омска) с 3 по 12 июля 1927 г. стал свидетелем варварского разрытия кургана местным населением, которое уже более 10 лет было одержимо поисками золотых и денежных кладов.

Желая предотвратить уничтожение памятника археологии Маталас, взял инициативу в свои руки. Найденные артефакты 21 июля сдал в музей, приложив заявление и описание раскопок²⁶. Из этой «коллекции» до наших дней дошло 25 предметов эпохи раннего железного века (IV-III вв. до н. э.), принадлежавших представителям саргатской культуры (фрагмент костяной втулки, фрагменты керамики, костяных накладок на лук, железного колчанного крюка, трехгранных бронзовых и костяного наконечников стрел). Но действия дилетанта, с кем у Левашовой состоялся разговор, глубоко возмутили ее. Варвара Павловна имела твердое убеждение, что Маталас (как организатор любительского кружка при музее) хорошо знал действующее положение об охране памятников, тем не менее, грубо нарушил правила изучения археологического объекта. Единственный шаг, по ее мнению, который инициативный самоучка должен был сделать – уведомить о попытках разрытия кургана Западно-Сибирский краевой музей и Бородинский райисполком. Находки из могильника хотя и поступили в музей, но этот материал, как подчеркивала Левашова, уже частично утратил научную ценность из-за безграмотного извлечения из грунта. В письме 7 сентября 1927 г. на имя директора музея Ф. В. Мелехина, она требовала «принять надлежащие меры к пресечению подобных явлений... когда каждый гражданин может произвести себя в “археологи”...»²⁷. Администрация музея обратилась к Прокурору Омского окружного суда, настаивая на привлечении Маталаса к ответственности за самовольное разрытие группой лиц под его руководством Коконковского кургана № 1. Любопытно, что искажение фамилии героя статьи, тиражированное в историографии, пошло, как видится, от описки в заявлении Левашовой и идентичной опечатки в письме музея в прокуратуру²⁸.

Стоит сказать, что такого рода утраты археологического наследия в Омском Прииртышье были нередки. Обращение музейщиков к правоохранителям стало стандартной реакцией. Прокурор Омского округа 22 сентября 1927 г. передал материалы для организации дознания начальнику 2-го отдела Омской городской милиции²⁹. Но, по всей видимости, Маталас к ответственности за фактическое разрушение памятника археологии (пусть и формально ради благой цели) привлечен не был. Раскопками кургана № 2 в Коконовке занималась Левашова³⁰.

В период с 18 по 23 октября 1926 г. Маталас арестовывался Омским окружным отделом ОГПУ³¹. Причина этого по известным нам документам не ясна. Как предположение, можно назвать и некие обстоятельства работы в финотделе, и неправомочные занятия археологией. Отметим, что органы безопасности региона тогда занимались не только ликвидацией «исторической контрреволюции» и «социально-чуждых» элементов. Чекисты активно боролись и с различными преступлениями по экономической линии³². Но Маталаса, в итоге, оставили в покое. Он продолжил службу в окружном финотделе в качестве помощника инспектора, финансового агента, что предполагало много хождений и личной мобильности. Тогда герой публикации попытался уйти из учреждения, подав заявление от 13 декабря 1926 г. (чему предшествовало хирургическое вмешательство по поводу водянки и нетрудоспособность в течение полумесяца). Но с 22 декабря 1926 г. инспектор Маталас вернулся к работе, и трудился в окружном финотделе до мая 1929 г., попутно являясь членом бюро местной партийной ячейки, окончив в Омске полугодичные курсы агитаторов. Временно до сентября 1929 г. служил порученцем в Автопромторге. Затем Иван Иванович до февраля 1931 г. занимал должность председателя правления вновь созданной артели «Утильсырьё» Омского промсоюза, после чего пошел на повышение: до 12 февраля 1932 г. заведовал организационно-массовым управлением, являлся заместителем председателя правления Омского промсоюза³³. Как видно, Маталас был человеком легким на подъем, не боявшимся чего-то нового. Но попытка

уйти из окружного финотдела могла быть связана не с условиями работы. Отметим, что в окружных финотделах Сибири проблема служебных злоупотреблений сотрудников, их «противозаконного общения» с нэпманами стояла остро³⁴. Дальнейшие события покажут, что Иван Иванович не всегда был чист на руку.

В 1932 г. он сделал очередной кардинальный поворот в карьере, став преподавателем военного дела в Омском медицинском техникуме, параллельно с этим пройдя обучение на зубоврачебных курсах; на 1935 г. работал в должности зубного врача железнодорожной поликлиники Омска³⁵. В те годы не все в жизни героя статьи шло гладко. И в неурядицах на этот раз был виновен он сам. Конец 1920-х гг. для советской общественно-политической жизни ознаменовался чистками, проводившимися и по кадровой линии ведомств, и по линии ВКП(б), став неприятной и неотъемлемой частью служебной повседневности³⁶. Маталаса благополучно миновала кампания по массовому лишению избирательных прав, затронувшая во второй половине 1920-х гг. многих бывших офицеров и военных чиновников³⁷. В Омском окружном финотделе в 1928-1929 гг. в рамках мероприятий, общих для финансовых учреждений Сибири, прошли чистки кадров, нацеленные на увольнение сотрудников из числа «бывших людей» и работников, замеченных в моральном разложении и нарушении служебной этики. Из Омского окружного финотдела уволили тогда 19 человек. Но парадокс: все те служащие, кто в прошлом был офицером и военным чиновником, чистке не подверглись, хотя обстановка внутри коллектива учреждения была недружелюбной. Местная партийная ячейка в тесной связи с Омским окружным отделом ОГПУ готовила чистки штата, собирая на сотрудников всякий компромат³⁸. Ивана Ивановича, по всей видимости, тогда «спасало» членство в партийной ячейке учреждения, на местном уровне персонально «решавшей», кто является «чуждым» или «вредным элементом».

Все же в 1929 г. комиссия по чистке рядов ВКП(б) исключила Маталаса из партии за дачу ложных сведений в стенгазете о хлебозаготовках в Исилькульском районе Омской области. Но вскоре контрольная комиссия Омского горкома смягчила наказание, заменив его строгим выговором. Маталаса в партии восстановили, а в 1931 г. исключили вновь «за искусственное завышение цен, сокрытие прибыли в 29 000 руб.». Но уже 24 июня 1932 г. по постановлению контрольной комиссии Западно-Сибирского краевого исполкома решение отменили: Маталасу вновь объявили строгий выговор с предупреждением «за обман партии, бесхозяйственность и фиктивную женитьбу с целью уклонения от партийной работы». Детали происшествий в документах не конкретизированы, но служебные девиации «сопровождали» героя статьи. За время работы педагогом вскрылись иные неприятные детали биографии Ивана Ивановича, повлекшие его увольнение в 1933 г. из медицинского техникума. В документах это описано кратко и с патетикой эпохи: «пьянство, моральное и бытовое разложение студенток, связь с классово-чуждым элементом»³⁹. Даже перечисленного в тех условиях хватило бы для того, чтобы полностью испортить жизнь, тем более, если бы к указанным обстоятельствам «вспомнилось» о формальной принадлежности Маталаса к представителям бывшего офицерства. В Сибири тогда репрессивные процессы в отношении этой категории общества активно набирали обороты. Можно лишь догадываться, почему же Ивану Ивановичу так везло. Вероятно, на городском уровне он мог иметь покровителей; стоит сказать, что в 1928-1930 гг. наш герой состоял в коммунистической секции Омского горсовета⁴⁰.

Любопытно, что в столь непростых общественно-политических условиях Иван Иванович продолжал вести себя смело. Так, в 1931 г. дал рекомендацию при вступлении в ВКП(б) Валентины Ивановны Маталас – жены его брата Сергея

(1903-1942). Примечательно, что 10 апреля 1934 г. девушку исключили из партии, как дочь подпоручика 15-го Курганского полка белой армии, погибшего в 1919 г. Герой статьи, поддерживая апелляцию невестки, написал 13 февраля 1935 г. обращение в Омскую городскую комиссию по чистке партии, ходатайствуя о восстановлении своей родственницы в рядах ВКП(б). Прошение удовлетворили⁴¹.

Но самое жесткое разбирательство последовало, когда Иван Иванович занимался медицинской деятельностью. Бюро Ленинского райкома ВКП(б) на заседании 15 октября 1935 г. рассматривало материалы в отношении Маталаса. При проверке документов выяснилось, что вступая в партию он, «будучи сыном кулака, скрыл социальное происхождение», не сообщил и о своей добровольной службе в белой армии (допуская это пусть даже в формальном смысле, как «способ» перейти к большевикам). Но более того, с целью нераспространения данного факта Иван Иванович исправил во всех документах свой год рождения на «1900» (далее именно этот год фигурирует во всех его документах).

Проверяющие лица установили, что должностей комиссара и командира полка в РККА Маталас якобы никогда не занимал. Хотя факты нахождения в этом служебном статусе подтверждает послужной список 1921 г.⁴² Иное дело, что Иван Иванович формально не был врачом (как заявлял), имея за плечами лишь профильные стоматологические курсы, а не учебу в медицинском вузе. Все эти обвинения в условиях эпохи сталинизма звучали более чем угрожающе. Из документов неясно, кто, каким образом и по какому поводу проверял биографию нашего героя. Но партийное бюро райкома постановило: Маталаса Ивана Ивановича «из членов ВКП(б) исключить, как авантюриста, обманным путем пробравшегося в ряды партии»⁴³. Наиболее веским пунктом к принятию решения стало сокрытие службы в колчаковской армии. Но вновь произошел казусный поворот. В статусе беспартийного герой статьи тогда пробыл 13 месяцев. А 4 ноября 1936 г. он обратился в тоже партийное бюро райкома с заявлением о восстановлении своего членства в ВКП(б). Это письмо в дело, к сожалению, не подшили, и осталось загадкой, какие «неоспоримые» оправдания привел Иван Иванович партийным чиновникам. Но в итоге Омский горком ВКП(б) с санкции обкома, полученной 14 ноября 1936 г., выдал Маталасу новый партбилет⁴⁴. Удивительно, но для человека с такой неоднозначной и «запятнанной» биографией последовавшие годы Большого террора прошли без последствий.

Согласно представленным в сети Интернет документальным сведениям из картотеки Главного управления кадров Министерства обороны РФ, с 1935 г. Иван Иванович вновь состоял в рядах РККА. В годы Великой Отечественной войны он проходил службу в 11-м отдельном противотанковом дивизионе войск НКВД и в 2668-м армейском полевом госпитале. С мая 1943 г. фронтовые будни капитана медицинской службы Маталаса шли в должности начальника зубоветеринарного кабинета в 417-м отдельном медико-санитарном батальоне 331-й стрелковой дивизии. В составе этого формирования Иван Иванович дошел до Восточной Пруссии. Продолжил службу на Дальнем Востоке, участвуя в войне с Японией. А 8 сентября 1947 г. И. И. Маталас в том же звании был уволен с военной службы⁴⁵.

*Капитан И. И. Маталас.
1945-1946-е гг.*

*Captain I. I. Matalas.
1945-1946s.*

Боевые заслуги Ивана Ивановича не раз отмечались командованием, в 1944 и 1946 гг. он был удостоен орденов Красной Звезды, в 1945 г. – медалей «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией». Наградной лист, заполненный 6 ноября 1944 г., красноречиво описывает личность военврача Маталаса и его фронтовую повседневность: «... является одним из наиболее высоко дисциплинированных офицеров в медсанбате ... За время боев в Восточной Пруссии им были проведены много сложных челюстных операций, спасших жизнь и здоровье бойцов и офицеров Красной Армии. Т[оварищ] Маталас работает инициативно и самоотверженно, не щадя своих сил и здоровья, без сна и отдыха ... Являясь парторгом 417[-го] М[едико-]с[анитарного] б[атальона], он находил время для проведения политмассовой работы среди личного состава, а также раненных и больных военнослужащих. Кроме того, в предыдущих боевых операциях ... лично успешно участвовал в обороне медсанбата и других тыловых подразделений дивизии от нападения врага ...»⁴⁶. О послевоенной биографии нашего героя известно лишь, что он умер 2 июня 1973 г. в Омске, прожив 77 лет⁴⁷.

В проделанном исследовании осталось много недосказанного, но даже итоговая биографическая реконструкция показательна. И. И. Маталас – типичный пример «маленького человека», психологически сформировавшегося в условиях революционного времени, сочетавшего в себе сознательные и стихийные проявления. Противоречивый герой был представителем поколения, заставшего три эпохальные войны XX в. Стоит полагать, что боевой опыт в предыдущем военном конфликте мог способствовать выживанию комбатанта впоследствии. А высокая личностная и профессиональная мобильность, активная жизненная позиция, переплетенные со склонностью к авантюрам, браваде, тщеславию, хвастовству и некой нелегальной деятельности, позволяли ему не просто всякий раз «находить себя», но и выгодно устраивать свою жизнь, невзирая на социальные катаклизмы. Благополучному исходу также способствовали разносторонние интересы, настойчивость, умение чувствовать конъюнктуру, приспосабливаться и весьма четко ориентироваться в непростой общественно-политической обстановке.

Маталас тяготел к традиционному типу офицеров военного времени периода Первой мировой войны, являвшихся в массе выходцами из крестьянско-мещанской среды без корпоративных ментальных черт, характерных для командных кадров «старой» армии⁴⁸. Живя в большевистском обществе, осознавая опасность наличия офицерского чина, Иван Иванович тщательно и успешно замалчивал это. Хотя, безусловно, определяющее значение в его судьбе и обеспечении достойного статуса в советском социуме сыграла армия. В общей сложности Маталас провел на военной службе четверть века. Он не проявил ни типичных качеств армейского функционера, ни очевидной психологической тяги к профессии военного, но на гражданской ниве он не был так успешен в самореализации. Его попадание на военную стезю диктовалось стремлением к лучшему жизненному устройству. Здесь он был стабилен, хотя и не обретал высот в служебной иерархии, будучи управленцем низшего и среднего звена. Социальные девиации Маталаса вряд ли имели связь с проблемой «выхода из войны», будучи, скорее, тривиальным проявлением не лучших качеств личности.

Несмотря на личные «политические уверения» в записках о Гражданской войне, герой статьи не сыграл сколь-либо значимой роли в большевистском подполье белого Омска. Мемуаристы-подпольщики не упоминают Маталаса и его товарищей. Герой повествования избрал для себя психологическую модель «коммунистического человека», «солдата Революции», дистанцируясь от дореволюционного прошлого. Но приверженность Ивана Ивановича к советским воззрениям не выглядит

до конца убедительной, связываясь на начальном этапе, с юношеским искательством приключений; а затем – скорее, с конъюнктурными соображениями. Возвращение героя статьи к мирной жизни имело в обоих эпизодах некий героический ореол, очевидно, способствуя в дальнейшем устройстве: в первом случае в 1926 г. – лихой красный командир; во втором в 1947 г. – более скромный, но дважды орденоносный военврач. А между тем время брало свое: после окончания Великой Отечественной войны в уже пожилом офицере-фронтовике вряд ли уже кто смог увидеть авантюриста и нерадивого служащего, трижды исключавшегося из партии. События 1940-х гг. фактически помогли «предать забвению» нелицеприятные страницы биографии Маталаса, обеспечив ему по общим меркам времени благоприятную жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: *Разиньков М. Е.* Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. – Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. – 187 с.
2. *Скипина И. В.* Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. – Тюмень: ТюмГУ, 2003. – С. 136.
3. *Коников Б. А.* Варвара Павловна Левашова – археолог Омского музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 27; *Путинцева И. В.* Каталог археологических коллекций, собранных В. П. Левашовой во время ее деятельности в Западно-Сибирском краевом музее (1926-1929) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2008. – № 14. – С. 133.
4. См.: *Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra* / под общ. ред. *Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной.* – Екатеринбург: УрФУ, 2021. – 412 с.
5. Исторический архив Омской области (ИАОО), ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 3.
6. Там же, ф. П-14, оп. 7, д. 4153, л. 1.
7. Там же, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 3 об.-4 об.; ф. П-14, оп. 7, д. 4153, л. 1; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 64 об.
8. ИАОО, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 3 об.
9. РГВА, ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 65 об.
10. См.: *Курдюк А. А.* «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. – 2008. – № 3. – С. 159-168.
11. ИАОО, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 3 об.; ф. П-14, оп. 5, д. Учетные карточки на букву «М», л. 89 об.; РГВА, ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 64 об.
12. ИАОО, ф. П-19, оп. 1, д. 357, л. 5.
13. Там же, ф. П-14, оп. 7, д. 4153, л. 1.
14. Там же, ф. П-19, оп. 1, д. 357, л. 5.
15. Там же, л. 6-7.
16. Там же, л. 8.
17. РГВА, ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 64 об.
18. *Посадский А. В.* Борьба с переходами солдат к противнику в Гражданской войне: взгляд белого командира корпуса // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2022. – Т. 7. – № 4. – С. 14-18.
19. РГВА, ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 64 об.-65 об.; ИАОО, ф. П-14, оп. 5, д. Учетные карточки на букву «М», л. 87 об.; оп. 2, д. 4206, л. 3 об.
20. ИАОО, ф. П-14, оп. 7, д. 4153, л. 3 об.
21. РГВА, ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 62, 63 об.
22. ИАОО, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 3 об.-4 об.; ф. П-14, оп. 7, д. 4153, л. 3-3 об.; ф. П-19, оп. 1, д. 357, л. 8.
23. Там же, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 1-4 об., 16, 36.
24. *Маталас [И. И.]* Археологические изыскания // Рабочий путь (Омск). – 1927. – № 149. – 3 июля.
25. ИАОО, ф. Р-2200, оп. 2, д. 1314, л. 1.
26. Там же, ф. Р-1076, оп. 1, д. 52, л. 30-31.
27. Там же, л. 30.

28. Там же, л. 30-31 об.
29. Там же, л. 37.
30. Федотова И. В. Археологические коллекции и случайные находки с территории Среднего Прииртышья (современная территория города Омска и Омской области) // Путеводитель по фондам Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2020. – С. 50-51.
31. ИАОО, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 8, 12.
32. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. – Омск: ОмГТУ, 2017. – С. 126-206.
33. ИАОО, ф. Р-238, оп. 3, д. 759, л. 14, 20, 22, 23, 26; ф. П-14, оп. 5, д. Учетные карточки на букву «М», л. 47 об.; оп. 7, д. 4153, л. 1 об., 3.
34. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. Р-6, оп. 2А, д. 16, л. 219.
35. ИАОО, ф. П-14, оп. 5, д. Учетные карточки на букву «М», л. 47 об.
36. См.: Смирнова Т. М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920-1930-х гг. // Вестник РУДН. – Сер. История России. – 2009. – № 3. – С. 103-120; Анфертьев И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. – 2015. – № 3. – С. 73-74.
37. См.: Саламатова М. С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921-1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. – 2015. – № XVII. – С. 214-228.
38. ГАНО, ф. Р-6, оп. 2А, д. 16, л. 95, 219; д. 17, л. 35.
39. ИАОО, ф. П-449, оп. 1, д. 3, л. 271-271 об.
40. Там же, ф. П-14, оп. 7, д. 4153, л. 3.
41. Там же, д. 4188, л. 2-2 об., 4-4 об., 6.
42. РГВА, ф. 25880, оп. 2, д. 1395, л. 64.
43. ИАОО, ф. П-449, оп. 1, д. 3, л. 271-271 об.
44. Там же, ф. П-14, оп. 2, д. 4206, л. 1-4.
45. Маталас Иван Иванович // Память народа 1941-1945. Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/sm-person_guk3245370/ (дата обращения 02.02.2023); https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer7848395/ (дата обращения 02.02.2023).
46. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, ф. 33, оп. 690155, д. 4582, л. 109.
47. ИАОО, ф. Р-3464, оп. 2, д. 35, л. 83.
48. См.: Саблин А. Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 130; Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 486. – С. 168.

Список литературы

- Разиньков М. Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. – Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. – 187 с.
- Скипина И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. – Тюмень: ТюмГУ, 2003. – 208 с.
- Коников Б. А. Варвара Павловна Левашова – археолог Омского музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 21-29.
- Путинцева И. В. Каталог археологических коллекций, собранных В. П. Левашовой во время ее деятельности в Западно-Сибирском краевом музее (1926-1929) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2008. – № 14. – С. 129-144.
- Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. – Екатеринбург: УрФУ, 2021. – 412 с.
- Курдюк А. А. «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. – 2008. – № 3. – С. 159-168.

Посадский А. В. Борьба с переходами солдат к противнику в Гражданской войне: взгляд белого командира корпуса // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2022. – Т. 7. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-14-18.

Федотова И. В. Археологические коллекции и случайные находки с территории Среднего Прииртышья (современная территория города Омска и Омской области) // Путеводитель по фондам Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: ОГИК музей, 2020. – С. 38-72.

Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. – Омск: ОмГТУ, 2017. – 277 с.

Смирнова Т. М. Чистки совappарата как часть повседневности 1920-1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2009. – № 3. – С. 103-120.

Анфертьев И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. – 2015. – № 3. – С. 73-74.

Саламатова М. С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921-1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. – 2015. – № XVII. – С. 214-228.

Саблин А. Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 128-134.

Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 486. – С. 165-175.

References

Razinkov M. E. *Belye, krasnye, interventy: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voenno-istoricheskaya antropologiya* [Whites, Reds, invaders: psychology of warpath: military history anthropology]. Saarbrücken: Lap Lambert publ., 2012, 187 p.

Skipina I. V. *Chelovek v usloviyah Grazhdanskoj vojny na Urale: istoriografiya problem* [A man under the Civil war conditions in the Urals]. Tyumen: TyumGU publ., 2003, 208 p.

Konikov B. A. *Varvara Pavlovna Levashova – arheolog Omskogo muzeya* [Varvara Pavlovna Levashova, an archaeologist of the Omsk museum]. IN: *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of Omsk State Local History Museum], 1994, no. 3, pp. 21-29.

Putintseva I. V. *Katalog arheologicheskikh kollektсий, sobrannykh V. P. Levashovoy vo vremya ee deyatel'nosti v Zapadno-Sibirskom kraevom muzee (1926-1929)* [Catalogue of archaeological works collected by V. P. Levashova during her work in West Siberian Local History Museum (1926-1929)]. IN: *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of Omsk State Local History Museum], 2008, no. 14, pp. 129-144.

Chelovek sovetskij: za i protiv. Pod obshch. red. Yu. V. Matveevoy, Yu. A. Rusinoy [Matveeva Yu. V., Rusina Yu. A. (gen. ed.). *Homo soveticus: pro et contra*]. Ekaterinburg: UrFU publ., 2021, 412 p.

Kurdyuk A. A. *“Leytenanty” Pervoy mirovoj, ili o putyah proizvodstva v ofitsery, primenyavshihsy v russkoy armii s sentyabrya 1914 g. po noyabr 1917 g.* [“Lieutenants” of the First World War, or the ways of commissioning officers applied in the Russia army from September 1914 to November 1917]. IN: *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of Military University.], 2008, no. 3, pp. 159-168.

Posadskiy A. V. *Borba s perehodami soldat k protivniku v Grazhdanskoj vojne: vzglyad belogo komandira korpusa* [Struggle against soldiers' desertion to the enemy during the Civil War: a view of white coprs commander]. IN: *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost* [Omsk scientific bulletin. Ser. Society. History. Modernity], 2022, vol. 7, no. 4, pp. 14-18. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-14-18.

Fedotova I. V. *Arheologicheskie kollektсий i sluchaynye nahodki s territoriy Srednego Priirtyshya (sovremennaya territoriya goroda Omska i Omskoy oblasti)* [Archaeological collections and chance finds from the territories of the Middle Irtysh land (current territory of Omsk city and Omsk region.). IN: *Putevoditel po fondam Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Guide of funds of Omsk State Local History Museum]. Omsk: ОГИК музеи publ., 2020, pp. 38-72.

Vasilevsky V. P., Sushko A. V. *“Strazhi revolyutsii”: organy GPU-OGPU v Omskom Priirtyshye* [“Guardians of revolution”: bodies of Joint State Political Directorate in Omsk's Irtysh land]. Omsk: OmGTU publ., 2017, 277 pp.

Smirnova T. M. *Chistki sovapparata kak chast povsednevnosti 1920-1930-h gg.* [Purges of Soviet officials as part of everyday life in the 1920-1930s]. IN: *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii* [Bulletin of RUDN. Ser. Russian history], 2009, no. 3, pp. 103-120.

Anfertyev I. A. *Rukovodstvo RKP(b) v usloviyah perekhoda k novoy ekonomicheskoy politike: Tsentralnaya kontrolnaya komissiya i "chistki" partiynykh kadrov* [Leaders of Russian Communist Party (Bolsheviks) during transition to new economic policy: Central control commission and purges of the party cadres]. IN: *Noviy istoricheskiy vestnik* [New historical bulletin], 2015, no. 3, pp. 73-74.

Salamatova M. S. *"Luchshe by rasstrelyali menya srazu...": sudby ofitserov belyh armiy v Sibirskom krae (1921-1929 gg.)* ["I wish I had been shot down at once...": fates of White army officers in Siberian region (1921-1929)]. IN: *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen historical collection], 2015, no. XVII, pp. 214-228.

Sablin A. Yu. *Adaptatsiya yunkerov-krestyan k usloviyam gorodskoy sredy v gody Pervoy mirovoy voyny (na primere Omska)* [Adaptation of peasant junkers to urban environment conditions during the First World War (a case study of Omsk)]. IN: *Omskiy nauchniy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost* [Omsk scientific bulletin. Ser. Society. History. Modernity], 2022, vol. 7, no. 3, pp. 128-134.

Petin D. I., Stelmak M. M., Sushko A. V. *"Zolotopogonniki" v Sovetskoj Rossii: kollektivniy sotsialniy portret byvshih belyh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska)* ["Zolotopogonniks" of Soviet Russia: collective social portrait of former white officers in 1920s]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2023, no. 486, pp. 165-175.

Фото с электронного ресурса. Режим доступа: <https://goo.su/YNG2M>
Photo from electronic source. Available at: <https://goo.su/YNG2M>

Сведения об авторе

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, доцент Омского государственного технического университета, e-mail: dimario86@rambler.ru

About the author

Dmitry I. Petin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Center for Studying History of the Civil War, Historical Archive of Omsk region; Associate Professor at Omsk State Technical University, e-mail: dimario86@rambler.ru

В редакцию статья поступила 12.04.2023, опубликована:

Петин Д. И. Авантюрист в эпоху социальных катаклизмов: Иван Иванович Маталас (1895-1973) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 2. – С. 113-126.

Submitted on 12.04.2023, published:

Petin D. I. Avantyryst v epokhu sotsialnykh kataklizmov: Ivan Ivanovich Matalas (1895-1973). [An adventurer in the time of social cataclysms: Ivan Ivanovich Matalas (1895-1973)] IN: Gasyrlar avazy – Eho vekov [Echo of centuries], 2023, no. 2, pp. 113-126.